

Анна Анисимова

# Музыка моего Дядя

Художник Юлия Сиднева



Анна Анисимова  
**Музыка моего дятла**

«Самокат»

2020

УДК 821.161.1-31-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

**Анисимова А.**

Музыка моего дятла / А. Анисимова — «Самокат», 2020

ISBN 978-5-00167-109-1

Эта книга говорит с нами об очень серьёзных вещах так, как умеет только Аня Анисимова: удивительно легко и светло. Можно ли быть счастливым, если жизнь не дала тебе одного из чувств – например, зрения или слуха? Что это для семьи – наказание или дар? Маленькая героиня этой книжки учится писать секретным шифром, дружит с дедушкиной тростью, играет с невидимым слоном, вместе с китом ныряет за друзьями в океан и любит яблоки, потому что они звонко хрустят! И даже если она глазами не видит мира реального, ничто не мешает её миру – тому, который внутри, – переливаться фантазией и радостью. Анна Анисимова – автор более 10 книг и номинант уже нескольких литературных премий. Одна из историй этой книги, «Невидимый слон», в 2017 году вошла в международный каталог IBBY Selection of Outstanding Books for Young People with Disabilities. Ёмкие истории Ани Анисимовой и нежные рисунки Юли Сидневой понравятся тем, кто только начинает читать самостоятельно. Здорово читать книжку и вслух в семейном кругу: немного смешно, немного грустно – и есть что обсудить. Внутри книги инструкция «Как помочь незрячему человеку»

УДК 821.161.1-31-93

ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00167-109-1

© Анисимова А., 2020

© Самокат, 2020

## Содержание

|                                |    |
|--------------------------------|----|
| Невидимый слон                 | 8  |
| Торопыга                       | 29 |
| Музыка моего дятла             | 50 |
| Кит ищет друзей                | 70 |
| Как помочь незрячему человеку? | 87 |

# Аня Анисимова

## Музыка моего дятла

### Благодарности

Первый рассказ «Невидимый слон» вышел книгой в 2013 году. Спасибо всем, кто видел слона, дружил с ним и ждал, когда он подрастёт. И вот это случилось, и я хочу особенно поблагодарить Юлию и Светлану Васильевых, Викторию Яшкову и Екатерину Чупахину за ценные советы и опыт; сотрудников детского отдела Санкт-Петербургской библиотеки для слепых и слабовидящих за знакомство с тактильными книгами; исследователя книг об «особом» детстве Анну Годинер за поддержку и редактора Анну Штерн за сильное желание выпустить книгу – спасибо! Это помогло мне дописать рассказы. И отдельное спасибо литературному редактору Наталье Калошиной, художнику Юлии Сидневой и всему издательству «Самокат» – за эту книгу.

*Аня Анисимова*



У каждого человека свои особенности и свои возможности  
Когда мы понимаем тех, кто отличается от нас, мы не боимся общаться и не лишаем себя  
радости дружить и помогать.  
Это ли не мир?

**У** каждого человека  
свои особенности и свои  
возможности.

**К**огда мы понимаем тех,  
кто отличается от нас,  
мы не боимся общаться  
и не лишаем себя радости  
дружить и помогать.

**Э**то ли не мир?

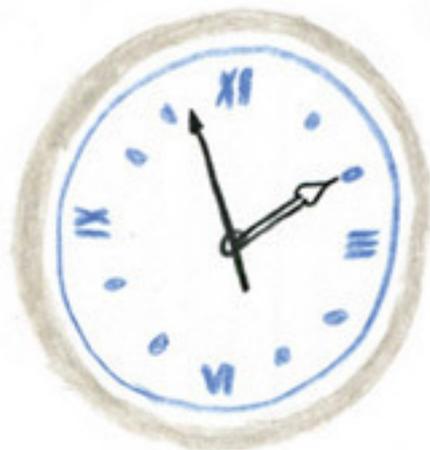


## Невидимый слон





1



Мне выпало водить. Я громко считаю до десяти и иду искать маму. Вот дверь. Коридор с шершавыми обоями. Наряженная пухлая вешалка. А мамы нет. Открываю дверь на кухню. Прислушиваюсь. Тикают часы. Бурчит холодильник. И всё, никого не слышно. Но на всякий случай я дохожу до стола и шарю под ним рукой – пусто. Тогда мне надо в гостиную: больше на кухне нигде не спрятаться.

За дверью в гостиной – никого. И под диваном, и под столиком. Я подхожу к окну и слышу мамино дыхание. Отдёргиваю штору и касаюсь мамы рукой – нашла. Нашла!

Как я люблю прятки! Я знаю все места для прятков в нашем доме, ну и что? Ведь играть я могу только дома. А я так люблю прятки! И теперь мамина очередь меня искать.

Мама завязывает шарфом глаза (хочет, чтобы всё было по-честному) и медленно начинает считать. Я прохожу столик. Диван. Дверь. Шершавые обои в коридоре. Сворачиваю в мамину комнату. Подхожу к большому шкафу и стараюсь открыть дверцу тихо-тихо. Залезаю внутрь и замираю среди маминых юбок и платьев. Их тут много – как будто заросли. И они так вкусно пахнут мамой, что я дышу, дышу в этом мамином лесу, дышу...

И даже не слышу, как мама меня находит. Мама распахивает дверцы шкафа и молчит. Что с ней? Я протягиваю руки к её лицу: губы у мамы улыбаются, но брови немножко хмурятся. Может, она огорчается, что я что-нибудь помяла? Я быстро поправляю все юбки и платья и обнимаю маму изо всех сил. Она гладит меня по голове. Она не огорчается!



2



Мы с папой идём в музей. В музеях нам разрешают трогать любое чучело, разные камни и вещи. Другим нельзя, а нам можно. В первой комнате папа кладёт руку мне на плечо и спрашивает:

– Я с девочкой. Мы посмотрим экспонаты?

Кто-то хмуро сопит в ответ:

– Только осторожнее. А то ходил тут уже один... Как слон в посудной лавке! Трогал-трогал и все копыя уронил.

Папа обещает хмурому, что мы будем очень осторожны. А мне очень хочется увидеть слона: где же он? Его я ещё ни разу не трогала. Папа объясняет, что живого слона можно увидеть только в цирке или в зоопарке. А «слон в посудной лавке» – это просто так неуклюжего человека называют. Потому что настоящий слон – такое большое животное! Если бы он смог зайти в музей, то наверняка бы всё тут порушил.

– А ну-ка, – говорит папа и быстро ведёт меня за собой. – Гляди!

Папа берёт мою руку и проводит по чему-то холодному и очень длинному.

– Это слоновьи бивни. Два зуба, которые торчат рядом с хоботом – длинным-предлинным носом. Вот таким.

Папа прислоняет к моему носу свою руку и изображает для меня хобот слона. Я трогаю папину руку-хобот, чтобы представить... И как только слон с таким носом ходит? Неудобно же.

– А бивни такие ценные, – продолжает папа, – что из-за них на слонов охотятся...

Я вожу пальцами по бивням и внимательно слушаю. Вот это зубы! Если б у меня были такие зубы, я бы даже в маминном шкафу не поместилась! Неужели он такой большой, этот слон?!



### 3

Мы с папой возвращаемся домой и принимаемся. Мама что-то стряпает: духовка сделала на кухне душный воздух. Мама говорит, что к нам в гости должна прийти её подруга Тайка.

– Что ты готовишь? – спрашиваю я.

– А ты вымой руки и посмотри, – предлагает мама.

Я так и делаю. Люблю, когда у меня чистые пальцы.

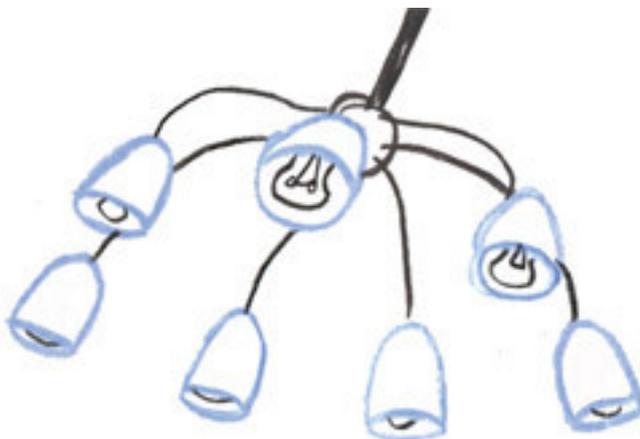
Готово! Я вытягиваю руки, мама перехватывает их и подводит меня к тёплому противню. Ага, эти бугорки – наверное, печенье. Рядом консервная банка – ну, в такой обычно сгущёнка, я знаю! И вот ещё на бумажке что-то жирное и мягкое... Хм, непонятно. Я облизываю палец. Ой, я залезла в растаявшее масло!

– Торт «муравейник»! – угадываю я.

– Ну-ну, не трясى руками. Давай надену на тебя фартук, да будем уже лепить.

Мама крошит печенье в большую миску, а я перемешиваю его с маслом и сгущёнкой. У меня все пальцы в «муравейнике»! Такими липкими руками даже слона толком не увидишь.

4



Я жду на балконе, когда Тайка появится у нашего подъезда. Я узнаю её по запаху! Мама часто укоряет Тайку, что она выливает на себя целый флакон духов. А Тайка хохочет: зато когда-нибудь её возьмут работать в прафю... парфюмерный магазин. И я бы хотела в парфюмерном магазине работать – мне так нравятся Тайкины духи! Нравится, что я могу по ним узнать Тайку. Наверное, у неё целый шкаф этих духов – на каждый день по флакону...

Я жду запах. Пахнет! Пришла! Я начинаю прыгать от радости. Тайка кричит мне снизу «привет!» и спрашивает, как дела. А я кричу, что была в музее и видела бивни слона! Тайка снова кричит, что я сама сейчас прыгаю как слон, и лучше бы я пожалела балкон – вон он как шатается!

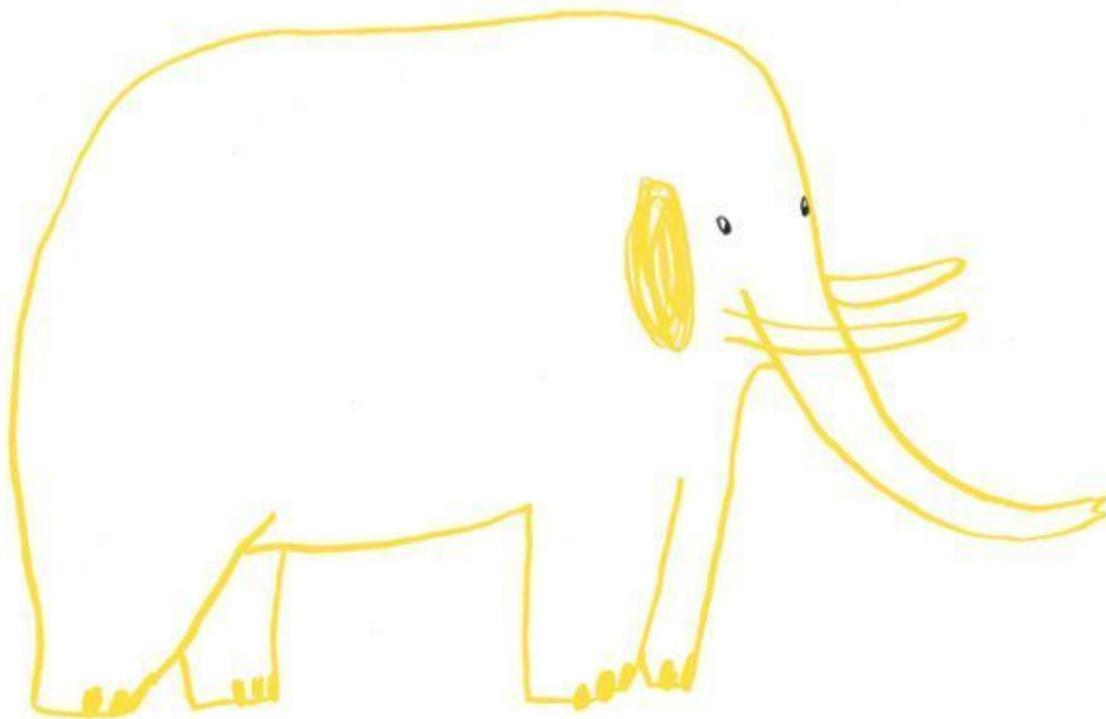
Надо будет попросить папу рассказать Тайке, что слоны совсем не умеют прыгать. Кстати, это даже хорошо. Ведь если бы слоны умели прыгать, на Земле случилось бы слонотрясение!



5

Тайка приходит в гости со своим сыном. Он такой маленький: меньше меня, если потрогать. Но шумный! Бегает, топает. Туда-сюда, туда-сюда. Берёт мои игрушки, а на место не возвращает. Столько всего разбросал! Слон в посудной лавке!

Я хочу показать Тайке новую музыкальную шкатулку. Ищу, ищу её везде – как будто исчезла. Тайка журит сына, но смеётся, ведь он такой маленький! Зато мама быстро находит, где шкатулка, и просит меня не сердиться: скоро всё встанет на свои места.



6

Мы с мамой убираем комнату после гостей. И правда, теперь всё как обычно. Как нужно. Так, как я привыкла.

Мама приносит в комнату пылесос и просит меня почистить ковёр. Мне не трудно, я это часто делаю. Вытягиваю из пылесоса шнур и включаю в розетку. Пылесос начинает гудеть: уу-уу-уу! Я держу щётку и вожу ею по ковру. Уу-уу-уу! Через щётку по шлангу в пылесос попадает пыль и всякий мелкий мусор. Как будто пылесос так питается... Ой, нет! Шланг – это хобот слона. Пылесос – это тоже слон! Только без ушей.



7

Перед сном мама поёт для меня. Я боюсь оставаться одна на ночь. А с песнями – нет. Песни я люблю. И слона я успела немножко полюбить. Может, он тоже боится засыпать один? Я затыгиваю вместе с мамой. Если слон такой большой и у него большие бивни и нос, значит, и уши у него большие. Значит, он хоть издалека, но услышит мои песни. Не бойся, слон!



## 8

Скоро осень. Мы с мамой идём в магазин покупать мне одежду и обувь. Я примеряю пальто, трогаю большие круглые пуговицы. Они гладкие и приятные. Засовываю в карманы руки – глубокие. Можно спрятать много каштанов и перебирать их пальцами.

Мама просит меня выбрать цвет пальто. Есть красное и зелёное.

– Какой красный?

– Как помидор, – говорит мама.

– А зелёный какой?

– Как яблоко, – говорит мама.

Конечно, я выбираю яблочное пальто! Потому что яблоки звонко хрустят, а помидоры хлюпают и капают.

– А слон яблоки ест? – спрашиваю маму дальше.

– О, ещё как! Он же травоядный. Ест всё, что растёт. Траву, яблоки, морковку...



Я вспоминаю запахи травы, яблока и морковки. Морковка больше всего слону подходит. Папа говорил, что слоны серого цвета. Наверное, серый – это как морковный. Морковный слон – даже звучит красиво.

Мама даёт мне примерить ботинки. А я всё думаю про слона и надеваю правый ботинок на левую ногу, а левый – на правую. Опять перепутала! Никак не научатся мои руки отличать правый ботинок от левого. Интересно, а слон путает свои бивни – правый и левый?



9



В художественной школе я сижу отдельно от других детей. Как будто я слон и мне нужно много места.

А на самом деле это Пашка вместо слона. Всё у него падает: карандаши, листочки, даже он сам!

Все рисуют по заданию учительницы натюрморт, а я – слона. Все рисуют кисточками, а я – пальцами. Ставлю два указательных пальца на бумагу рядышком. Один остаётся на месте. А вторым веду по кругу и возвращаюсь, чтобы пальцы соединились. Большой круг делаю: ведь слон большой и толстый, потому что он много ест. Теперь большие зубы. Большие уши. Длинный хобот...

Учительница хвалит мой рисунок. Меня все окружают. Вот зачем так много места вокруг – чтобы другие могли встать рядом!

Пашка говорит:

– А я тоже так смогу! Можно я тоже буду пальцами рисовать?

И роняет на пол краски!

– Паша! – делает кислый голос учительница.

Но остальные тоже начинают просить:

– И я, можно?

– Я тоже хочу пальцами!

Все хотят как я.

Все хотят слона.





В парке дети бегают и играют. Их мамы и бабушки неподалёку шелестят пакетами или болтают. А мы с папой сидим на траве. Расстелили плед и сидим.

Папа смотрит на небо и рассказывает, на что похожи облака.

– На зайца, что ли... Да, точно, на зайца – вон какие длинные у него уши.

Я прекрасно вижу облака. Папа объяснил, что облако как огромная сахарная вата. Только без палочки. А я держу сахарную вату и вытягиваю из неё две полоски. Я знаю, как выглядит заяц. Как кролик! А кролика я видела в деревне у бабушки. У него уши как лоскутки.

– Такой? – я показываю папе сахарно-ватного зайца.

– В точности, – гордится мной папа.

Я так довольна! Облачного-то зайца никак не потрогаешь, а моего – запросто.

Я ложусь на плед и кладу зайца на живот.

– Я – небо! А заяц – облако! – смеюсь я.

На мой смех откуда ни возьмись появляется ветер, и заяц улетает.

– Вот так так! – тоже смеётся папа. – Ветер погнался сразу за двумя зайцами. И обоих прогнал.

Я сажусь.

– А сейчас облака на кого похожи?

Папа смотрит, а потом как закричит:

– Не может быть! Не может быть!

Кажется, он кричит громче всех детей в парке. Я так волнуюсь, что могу улететь за своим зайцем.

– На кого же? На кого?

– На слона твоего, представляешь! Вот на кого!

Папа заваливает меня на плед и смеётся. Я тоже смеюсь. Я счастливая! Уж слона-то ветер точно не стонит с неба. Слон же большой. Если захочет, как дунет в свой хобот! И сам прогонит этот ветер.



11



У меня праздник! Мы идём в зоопарк, и я увижу настоящего слона. Я так рада, что отталяю и мамину руку, и папину руку и скачу вперёд.

– Осторожно! – не успеваю за мной мама. – Там мальчики в футбол играют!

Я её не слушаю. Я сделала из кулачков хобот. Я скачу и трублю так, как будто я сама слон:

– Бу-бу! Бу-бу-бу! Зо-о-па-р-к!

И весь мир трубит со мной!

Машины – бу-бу-бу!

Птицы тоже – бу-бу-бу!

БУМ-М-М!

И моя голова...

Я приседаю и хватаюсь за глаз. Это в меня мяч прилетел. Слышу, как он откатился в траву.

– Не видишь, что ли, что мы играем? – сердится какой-то мальчишка и убегает.

А мама уже рядом.

– Сильно? – она разворачивает меня к себе. – Уй!

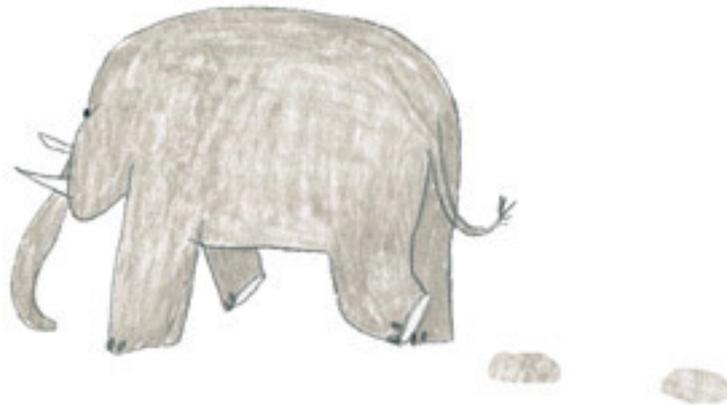
Её пальцы на моих плечах дрожат.

Я стискиваю зубы и резко мотаю головой из стороны в сторону. Я знаю, что это значит «нет».

И папа подходит.

– Кстати, – говорит он, – а я рассказывал тебе, что слоны не плачут?





В зоопарке мы идём сразу к слону. Я так тороплюсь, что не обращаю внимания на дорогу, на разные ямки и камни. Зато мама начеку:

– Направо ямка... Слева лужа... Сейчас ступенька вниз... Ещё... Аккуратнее! Хватит нам одного синяка!

Но я мчусь, я готова сама вести маму и папу к слону!

И вот мы у вольера. Мама находит свободное место и разрешает мне схватиться за прутья.

– Слон далеко, – рассказывает. – Сразу за вольером ров с водой. А за ним – площадка. Вот на ней слон и стоит. Не достанешь, не потрогаешь... но большу-ущий! Выше, чем ты и я вместе взятые. Хоботом поднимает с земли траву и кладёт себе в рот. А уши у него – как наши штормки. Такие же большие и широкие, я бы за ними легко спряталась... Что ещё сказать?

Мама достаёт морковку.

– Будешь угощать?

Папа сажает меня на плечи. Я замахиваюсь и бросаю морковному слону морковное лакомство. Слышу всплеск. Папа бодро говорит:

– Долетела! Значит, скоро съест. Вот увидишь!

Но я слышу, как слон, шаркая ногами, удаляется.

– Наверное, отдохнуть пошёл. Всё на ногах да на ногах, бедняга, – жалеет слона мама.

Мы ещё немножко стоим, а потом тоже уходим. Я оборачиваюсь на прощание, и мне кажется, что слон на меня смотрит. Я чувствую, как он дышит в мою сторону.



### 13

Ночью мне снится, что слоны лежат на траве и глядят в небо. А по небу плыву я. Слонята спрашивают у своих мам:

– На кого похоже это облако?

Но слонихи молчат: или не знают, или стесняются сказать.

Тогда я кричу:

– На вас! Я похожа на вас! Я тоже слон! Если вы подпрыгнете, то сможете обнять меня хоботом! Как рукой!

Но слоны даже не шевелятся. Слоны такие тяжёлые, что не умеют прыгать.



14



Кто-то позвонил в дверь. Я слышу по шагам, что пошёл открывать папа. А ещё я слышу, что это пришёл Пашка из художественной школы. И его мама. Как странно!

– Заходите скорее, а то я уже весь извёлся в ожидании пирога, – радуется папа.

А потом зовёт меня:

– Дочь! К тебе пришли!

– Иду! – громко отвечаю я.

Вот дверь. Коридор с шершавыми обоями. Наряженная пухлая вешалка...

– Привет, Пашка!

– Привет, а я пластилин принёс, – отвечает он и тут же роняет пластилин на пол. – Ой!

И я смеюсь:

– Пашка, хочешь, я буду звать тебя Слоном?

## Торопыга



1



У моего дедушки три ноги. Две тихие, а одна громкая, как дятел.  
– Шух-шух, – так шелестят тихие ноги.  
– Дук! – а так стучает громкая.

Мама и папа говорят, что это трость. Но дедушка утверждает, что это самая здоровая нога в мире. Я осматриваю её руками: она длинная и тонкая, как палка, но гладкая и скользкая. А сверху у неё ручка – как полкалача!

– Раз это нога, то почему здесь ручка? Разве у ноги бывает ручка? – спрашиваю я у дедушки.

– Это не ручка, а палец, – серьёзно отвечает он. – Как у меня.

Дедушка тыкает в мой живот. Я перехватываю дедушкин согнутый палец. Так и есть: он такой же толщины и твёрдости, как у трости. Только шершавый.

## 2



Дедушка приехал из другого города, он у нас в долгих гостях. Раньше я все дни проводила с мамой: мы следили за домом, а папа работал. Но недавно и маму позвали на работу. Она не хотела соглашаться, но дедушка настоял. Он сказал, что ему не важно, в каком доме сидеть на пенсии, а маме работать – важно.

– Одни с тобой будем, – наклоняется и дышит мне в лицо дедушка.

Я возражаю:

– И совсем не одни.

Я беру дедушку за руку и веду знакомить с куклой Катей, которая дочка, и куклой Надей, которая мама. Потом с разными животными: у меня на полке в шкафу живёт целый зоопарк! А в закутке между столом и кроватью стоит большой мягкий слон. Его подарил папа. Я показываю дедушке, как умею забираться на слона и передвигаться на нём прыгающими шагами. Громкая нога притопывает за компанию.

– Видишь, как нас много, – говорю я. – Ещё и нога!

3



И вот мама первый раз идёт на работу. Я ловлю мамино платье в коридоре. Когда мама беспокоится, её платье летает туда-сюда по квартире.

Мама то и дело повторяет дедушке:

– Главное – это обед разогревать, водить на рисование и гулять. А с остальным она сама прекрасно справится...

– Понятное дело, справится, – поддакивает дедушка. – Не слышал я такого, чтобы внучкой тяжело было работать и кто-то бы не справлялся.

Я весело скачу, чтобы мама увидела, как мне легко.

– Может, я зря это затеяла? – спрашивает меня мама. – Сидела бы и дальше с тобой. От меня не убудет, а тут приходится дедушку напрягать, тебе к новому привыкать...

На эти слова громкая нога сердито стучит по паркету.

Я обнимаю маму и шепчу:

– Всё будет хорошо. Мы же с дедушкой похожи. Он ходит с третьей ногой, а я – с третьей рукой.

Мама тревожно смеётся:

– Ага, а мне бы третий глаз не помешал. Я бы оставила его дома приглядывать. И была бы спокойна.

4



Про третью руку – это правда. Дома мир маленький, и я хожу сама, потому что всё-всё в нашей квартире знаю: где какая стена, как стоит мебель, как открываются двери и дверцы. А мир на улице мне выучить трудно. У него нет стен. Поэтому ходить я могу только с чьей-нибудь рукой.

Я прицепляюсь к дедушке, как игрушечный вагон к паровозу. И дедушка ведёт меня на рисование.

– Шух-шух. Дук! Шух-шух. Дук!

Дедушка идёт и говорит, когда нужно переступить ямку и обойти лужу, подсказывает, где заканчивается тротуар, чтобы я не упала. Я иду и думаю, что мама волновалась зря. С дедушкой всё как обычно. Разве что третья дедушкина нога иногда пинает каштаны. Или делает другие неизвестные звуки.

– Что это? – спрашиваю я у дедушки.

Звучит звонко и пересыпчато.

– Это клумбу камешками обложили, – объясняет дедушка.

А вот звук трескучий, глухой.

– А это чей?

– А это какой-то умник пакет с мусором до урны не донёс! – сердится дедушка.

Ну и дела! Я и не знала, что клумбы обсыпают камешками, а мусор могут оставлять прямо на улице!

Но для дедушки нет ничего удивительного.

– Я же говорил: это самая полезная нога в мире. Она что хочешь рассказать может.



5



- Дедушка, это Пашка. – После рисования я выхожу из кабинета со своим другом. Мне не терпится поделиться.  
– Пашка, а у моего дедушки три ноги!  
Громкая нога тут же с грохотом падает на пол.  
– Ой, простите, – говорит Пашка.  
Всё ясно: это он уронил ногу!

– Не обижайся, дедушка, – прошу я. – Пашка постоянно всё роняет. Сегодня у него снова краски упали.

– На нос, что ли, упали? – смеётся дедушка.

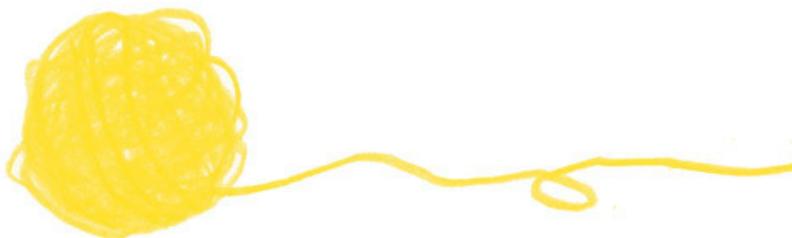
– Опять?! Весь нос зелёный! – доносится до нас голос Пашкиной мамы. – Здравствуйте.

Чудо моё, ну пойдём отмываться скорее, а то мне ещё на работу бежать...

Пашка прощается с нами, и мы выходим на улицу.

– Шух-шух. Дук!

## 6



Дома дедушка слушает грустные скрипичные концерты и вяжет толстые колючие носки, чтобы тихие ноги были в тепле.

– А почему для громкой ноги не вяжешь? – спрашиваю я дедушку в перерыве между концертами.

– Потому что она у меня торопыга, – перебирает спицами дедушка. – С неё носок в два счёта свалится.

Я понимаю. Я поглаживаю Торопыгу рукой и чувствую, как ей хочется побегать, как сильно она дрожит от нетерпения. Только они с дедушкой неразлучны: он никогда не выходит из дома без третьей ноги, а Торопыга никогда не выходит из дома без дедушки.





– Шух-шух. Дук!

Я держу дедушку за руку. Мы гуляем вокруг дома.

– Шух-шух. Дук!

Мимо нас бегут, прыгают, катятся на роликах, едут на велосипедах и даже на лошади. А мы просто идём.

– Шух-шух. Дук!

На втором круге дедушка говорит, что Торопыга заскучала и хочет остановиться. Мы останавливаемся, и Торопыга начинает колошматить по луже. На меня запрыгивают несколько весёлых капель. От неожиданности я тоже начинаю подскакивать.

– Никакого сладу с ней, – жалуется дедушка. – Может, тебе удастся её уgomонить?

Он вручает мне Торопыгу, но она продолжает изо всех сил прыгать по луже.

– Я тоже не могу, – говорю дедушке и передаю её обратно.

Дедушка молчит, Торопыга плещется. И вдруг:

– Тпр-р-ру! Тпр-р-ру! – тпрукает дедушка, и Торопыга, на удивление, замирает на месте. – Так лошадь останавливают, – объясняет дедушка. – Ей просто хотелось побыть лошадью.

И мы идём дальше.

А я думаю: вот бы и мне научиться разбираться во всём, что делает Торопыга!



8

Лошадь – это только начало. Скоро я убеждаюсь, что Торопыга умеет превращаться в бродячего музыканта.

– Слева решётка, – говорит мне дедушка.

Мы останавливаемся и слушаем музыку: Торопыга играет на прутьях решётки как на струнах. Музыка выходит каждый раз разная – смотря какое у Торопыги настроение. То на камнепад похожа... То на одинокий барабан... Или вообще незаметная такая музыка, как будто Торопыга бормочет что-то непонятное.

Ещё Торопыга может придержать дверь автобуса, если мы с дедушкой опаздываем. И умеет делать сосновый ветер. Тогда мне в лоб прилетают сосновые шишки. Но я всё равно радуюсь. Когда мы с дедушкой устаём и отдыхаем на скамейке под сосной, нет ничего лучше такого ветра.



9



Однажды дедушка решает подарить мне воздушный шарик. Их много. Целый букет. Я осматриваю все шарики и выбираю самый низенький, чтобы был поближе ко мне. Он оказывается очень упрямым и вырывается из рук. Но я гуляю начеку, я крепко держу его на поводке.

Мы тихонько идём: я с шариком и дедушка с Торопыгой. Вдруг я слышу: в нашу сторону летит что-то хрипящее... Это собака! Дедушка задвигает меня за спину. А собака – хрр-хрыщ! – хватает Торопыгу зубами, и она хрустит от боли... Ой, бедная!

Кто-то подбегает и оттаскивает собаку в сторону. Дедушка говорит удивлённым голосом:  
– Как же можно не видеть?! Не понимать!..

Я не слушаю, что отвечает хозяин собаки, я ищу руками Торопыгу. Вот она! Я провожу по ней ладонью, чтобы успокоить. На месте собачьего укуса под моими пальцами крошится что-то колючее... Ой! Я вскрикиваю и выпускаю воздушный шар из рук. Но в эту же секунду Торопыга подпрыгивает...

– Держи, – отдаёт мне шарик дедушка.

Я так сильно радуюсь! Я прямо кричу:

– Торопыга и нас спасла! И шарик спасла! Ну вообще!

– А я же говорил, что это самая ловкая нога в мире! Кстати, а заноза твоя – пустяковая, вытащим...

Мы с дедушкой хохочем и даже не замечаем, как собака и её хозяин исчезают.



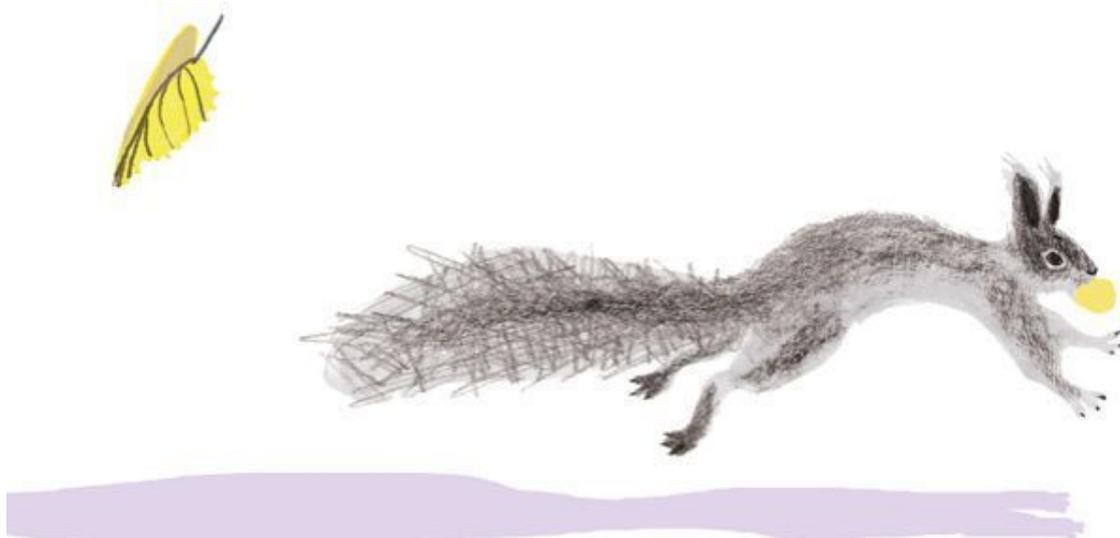
10



Дома я приклеиваю на место боевого укуса Торопыги пластырь. А потом прошу дедушку научить меня вязать. Хотя Торопыге и не нужен носок, я всё равно хочу связать ей что-нибудь в благодарность.

– Ну давай шарф научу, – усмехается дедушка и показывает, как обматывать вокруг пальца нитку и набирать на спицы петли. Я и не думала, что вязать – это очень сложно! У дедушки спицы так и щёлкают, а у меня еле-еле ворочаются. Я крихчу, но не сдаюсь! Ведь Торопыга целых два раза стала героиней...

Я долго-долго учусь и наконец провязываю длинный ряд. Ничего, Торопыга. Раз я обещала – будет тебе подарок!



11



Мы провожаем маму на работу, и она говорит:

– Надо же! Незаметно месяц прошёл...

Мама привыкла ходить на работу, а я привыкла гулять с дедушкой. Торопыга уже сказала нам обо всём, что есть в округе. Поэтому мы решаем съездить в дальний парк.

Ночью был дождь, и земля до сих пор мягкая и чавкает под ногами. Мы идём по парку, и Торопыга молчит.

– Сегодня я за неё болтаю, – хвалится дедушка. – Сегодня это самая спокойная нога в мире.

Дедушка рассказывает мне обо всём, что видит: как подстрижены кусты, как созрел шиповник, куда промчалась белка. Объясняет, почему такой вкусный воздух. А иногда дедушка срывает с дерева листок и суёт мне в руку. Я угадываю. Это каштановый: у него лепестки, как рука с растопыренными пальцами. Это кленовый: он весь зазубренный, как папина пила. А вот берёзовые и липовые листья я путаю. Тогда дедушка подсказывает, что берёзовые совсем мелкие, а липовые похожи на сердечки. Надо запомнить!

Мы идём долго и забираемся в самую глубину парка. Дедушка вспоминает, что раньше где-то здесь рос приличный дуб.

– А у него какие листочки? – спрашиваю я.

Дедушка осматривается – с тех пор ни одного дуба больше не появилось – и решает найти тот единственный. Мы петляем по разным тропинкам, пока дедушка не останавливается. Я думаю, что от усталости. Но оказывается, он всё-таки нашёл тот дуб и украдкой им любит.

– Вылитый царь, – помолчав, говорит дедушка. – Гордый такой, стоит на поляне один, а вокруг кусты – как будто подданные.

Дедушка обращается к дубу.

– Ты как хочешь, царь, но один листик нам пожаловать должен. Не зря же мы к тебе топали... Постой-ка здесь минутку, – говорит мне дедушка. – А то трава ещё мокрая да кочки кругом. Сейчас сбегая и вернусь.

Я остаюсь на тропинке, а дедушка идёт добывать листик. Я слышу, что все три дедушкины ноги говорят одинаково:

– Чав, чав, чав...

Дедушка громко ухает – наверное, тоже удивляется новым звукам. Но оказывается, что он поскользнулся и упал.





– Больно подняться, – теперь по-настоящему удивляется дедушка. – Кажется, я ногу под-  
вернул. Тихую.

Я чувствую, как дедушка хочет встать, но прикусывает во рту стон.

– И что нам делать? – спрашиваю я.

– Звать на помощь, – отвечает дедушка. – Ты начинаешь.

– Помогите, – говорю я.

– Здесь только я и дуб, – говорит дедушка. – Хорошо бы что-нибудь придумать.

– Тогда... я пойду, – говорю я и делаю два шага в сторону. Но тут же останавливаюсь,  
потому что не умею идти дальше.

Надо мной шумят деревья.

– Придумывай дальше, – просит дедушка.

– Я... я могу идти и руками махать – тогда я ни во что не врежусь.

– Возьми Торопыгу, – говорит дедушка.

Я выставляю руки и чувствую, как до них дотягивается Торопыга.

– Опусть её на дорожку, води перед собой – и потихоньку вперёд, – объясняет дедушка. –  
Пока Торопыга будет идти по земле, ты будешь слышать, как она идёт по земле. А если, напри-  
мер, слева услышишь траву – тогда бери правее. И не бойся – я увижу, как ты идёшь. Тропинки  
тут широкие...

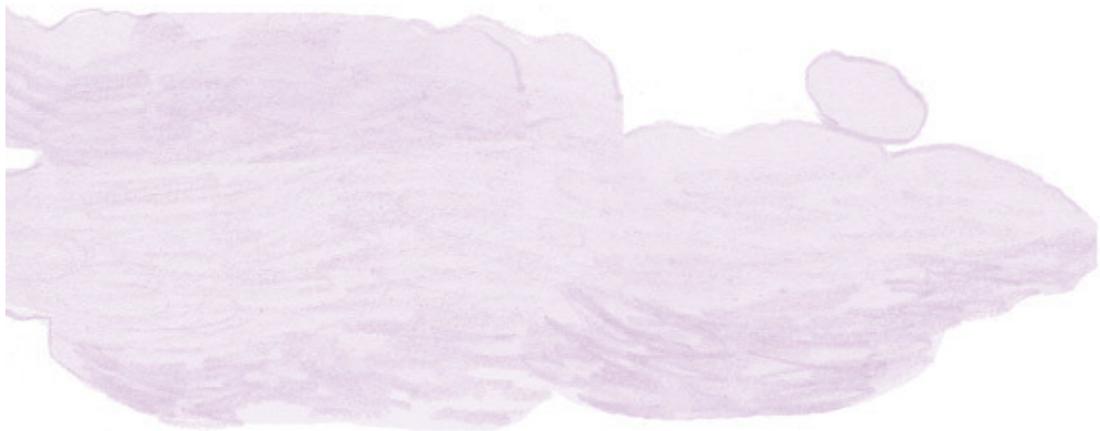
Я чуть-чуть боюсь, но слушаюсь. Аккуратно опускаю Торопыгу на землю, как сказал  
дедушка. Один шаг. Второй. Третий...

– Всё хорошо, я тебя вижу, – доносится бодрый дедушкин голос.

Я медленно иду с Торопыгой и вдруг понимаю, что вообще-то идти мне не страшно.  
Наши с Торопыгой пальцы крепко держатся друг за дружку. И я думаю, что дедушка правильно  
говорит: Торопыга – самая лучшая нога на свете! Потому что она может быть не только дедуш-  
киной ногой, но и моей! Чьей угодно, если это нужно.



13



Я сворачиваю вместе с тропинкой и слышу невдалеке шуршащие шаги. Останавливаюсь и машу рукой:

– Помогите!

Но никто не откликается.

– Помогите! – громко повторяю я.

Ко мне бегут.

– С тобой что-то случилось? – встряхивает меня за плечи тётенька.

– Нет, – говорю я.

– Фух. Я сначала подумала, что ты кому-то знакомому кричишь, – тараторит тётенька. –

Смотрю – одна, с тростью. Испугалась: что такое, думаю?

– Это Торопыга, – поправляю я тётеньку. – Дедушкина нога. Дедушка упал и не может встать, а я никак не м-могу ему пом-мочь...

Неожиданно у меня в горле начинает что-то дрожать.

– Где? – спрашивает тётенька.

Я разворачиваюсь, показываю назад и пищу:

– Он там. У дуба. Поскользнулся.

– Идём, – говорит тётенька и резко тянет меня за руку.  
Тётенька идёт быстро и ни о чём меня не предупреждает, так что я спотыкаюсь. А Торопыга бежит как ни в чём не бывало.





– Я так вам благодарен, – прощается дедушка. – Что бы мы без вас делали!

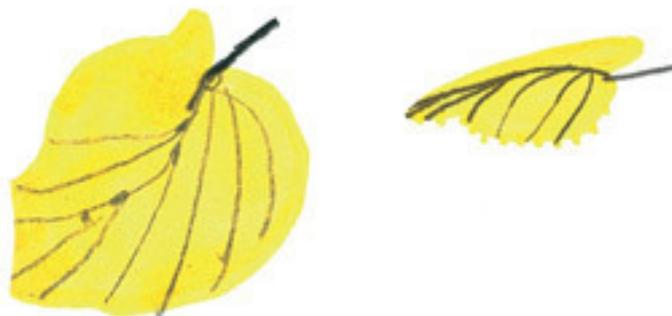
Ирина, так зовут тётеньку, вызвала для дедушки скорую. Врачи сказали, что ноге нужен покой. Они положили дедушку на носилки и предложили отвезти нас домой.

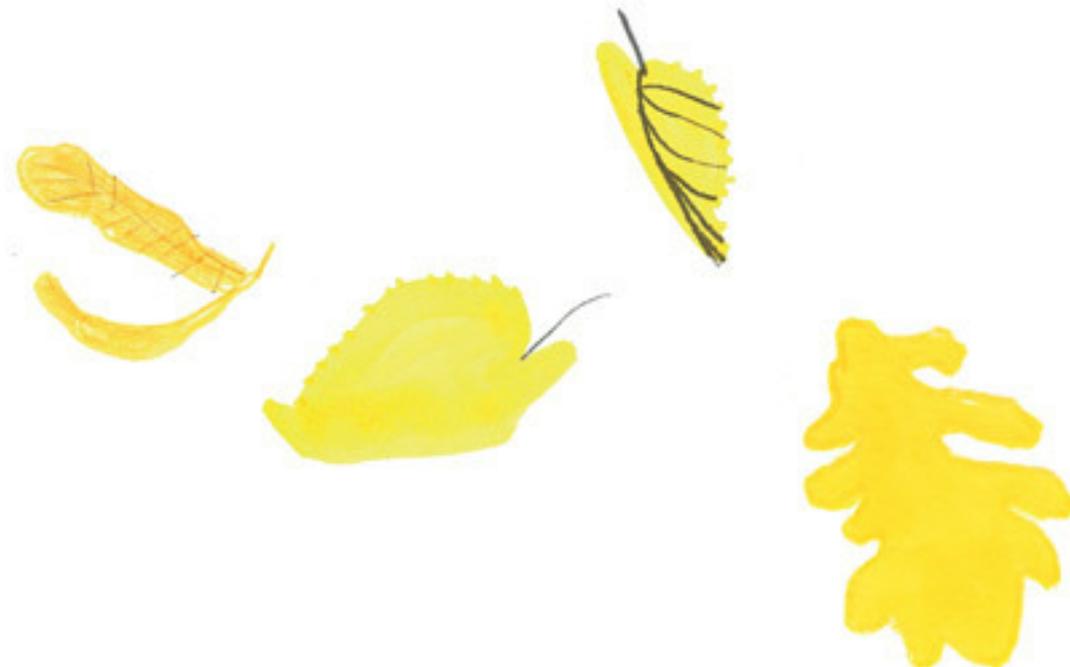
– Что бы вы без неё делали! – обнимает меня за плечи Ирина. – Только вы уж больше не отпускайте её одну. Всё-таки она маленькая...

– Ну и что, – говорю я. – С Торопыгой я хоть куда бы дошла!

Тётенька Ирина удивлённо цокает.

Но я знаю, что Торопыга со мной согласна!





Вечером мама и папа много ахают.  
– Заигрался, – говорит дедушке папа.  
– Не нужно мне было выходить на работу, – страдает мама.  
– Ничего страшного, – в один голос убеждаем мы с дедушкой, и Торопыга поддакивает.  
Я показываю, как шла с Торопыгой по парку – как будто совершенно одна! Торопыга упирается в дверной косяк, и я объясняю папе и маме:  
– Видите? А в парке дорожки широкие, там мне ничего не мешало.  
Довольный дедушка рядом пыхтит:  
– Ей нужна своя Торопыга.  
Тогда папа говорит:  
– Не Торопыга, а специальная трость.



16

Вечером я лежу и представляю, как мне принесут трость и я буду ходить одна. Только не сразу. Папа сказал, нужно долго учиться. Но всё равно – смогу ходить сама, без третьей руки. Я знаю, что это не страшно. Как с Торопыгой! И получится, что мы с дедушкой совсем похожи: у него будет три ноги, и у меня будет три ноги.

Я так много думаю, что не могу уснуть. Тогда я тихонечко встаю, выхожу из своей комнаты и прокрадываюсь в гостиную. Я нахожу клубок и спицы, устраиваюсь поудобнее в кресле и довязываю шарф. Завтра я подарю его Торопыге. Я знаю, как громко она будет радоваться. Вот так:

– Дук! Дук! Дук!



## Музыка моего дятла





1

Палочка. Ещё палочка. Ещё палочка. Ещё палочка. Получилась буква М! Это я пишу на стене. Я каждый день пишу на стене. Мама покрасила её грифельной краской. И я мелом пишу. Любое слово, какое захочу.

Теперь У. Мама готовит завтрак. Какой – я не знаю. У нас с ней уговор: она придумывает завтрак, а я – слово. И потом мы угадываем.

А теперь буква З. Вообще-то у меня есть готовые буквы. Они маленькие и магнитятся на холодильник. Они чистые и не пачкают руки, как мел. Но мама говорит, что складывать буквы-магниты – это не то же самое, что писать самой.

Сейчас Ы. Бедняжка. Мне её очень жалко. Ы всё время прячется в словах на другие буквы. Потому что никто не придумал ни одного слова на Ы. Зато я возьму и как нарисую её больше всех!..

Ой, кажется, я опять размахнулась. А ещё две буквы осталось. У меня всё время такие огромные буквы получаются: с полменя! Не обижайся, К. Я сейчас рядышком А нарисую. Она тебя как будто обнимет, и вам будет хорошо. Вот так: КА.

– Готово! – говорю маме.

– Му-зы-ка, – читает мама.

– Угадала! – кричу я.

И принохиваюсь:

– У нас овсянка сегодня?

– Ага, – отвечает мама.

Значит, я тоже угадала!

Тогда мы запеваем песню про кашу:

– Овсяно-чка!

Овсяно-чка!

Овсяно-чка-чка!

Чки-чку-чка!

Мы поём, как птицы. Потому что такие птицы, овсянки, тоже есть! Правда, они не чкают и не чкуют, как мы. Мы слушали запись – овсянки просто тирькают: ти-ти-ти-тирь, ти-ти-ти-тирь. Но я думаю, это потому, что они ни разу кашу овсянку не ели. Кто же им там, на улице, сварит!





После завтрака мы с мамой едем на концерт. Мы садимся в автобус, и я спрашиваю у мамы, до какой нам остановки.

– До «Театральной», – говорит мама. – А перед ней – «Улица Пушкина».

Я еду и слушаю объявления. Я не люблю автобусы, в которых не говорят про остановки. Это невежливо с их стороны. Я тогда обижаюсь и всю дорогу разговариваю с мамой или папой, чтобы автобус меня услышал и включился. Но этот автобус хорошо воспитан. Я дожидаюсь «Театральной» остановки, мы с мамой выпрыгиваем из автобуса и идём в театр. Только долго идём. Так что потом, в театре, нам неохота подниматься по лестнице, и мы ждём лифт.

Он тоже попался вежливый.

– Первый этаж, – говорит лифт, и двери открываются.

Мы заходим.

– А нам на какой? – спрашиваю маму и вытягиваю руку вперёд.

– На третий, – задумчиво отвечает мама, берёт мою руку и подводит её к кнопкам. –

Смотри, тут цифры, как обычно, по-арабски: 1, 2, 3...

Я трогаю:

– Ну да, как мои магниты.

Ничего особенного. Я же знаю цифры! У меня вместе с буквами-магнитами есть и цифры-магниты.

А мама продолжает:

– А под цифрами точки – видишь? Это тоже цифры. Просто написаны по-другому.

Я трогаю, но не понимаю. Наверное, мама задумалась и ошиблась.

– Нет, мам, это не цифры, а какие-то пупырышки, – говорю я.

И нажимаю на кнопку «три».



### 3

Мы с мамой лежим на подушках и слушаем арфу. Сегодня концерт в маленьком зале. Таком маленьком, что я весь его по стенам обошла. Не то что в филармонии, куда мы с дедушкой ходим. Там залы большущие, и со всех сторон что-то шуршит, скрипит, бормочет. Так что музыка от этих звуков улетает куда-то под потолок. А здесь только один арфин звук – он отдаётся даже в подушках. Я одним ухом слушаю арфу, а другим – подушку. И песня арфы как будто во мне. Забралась ко мне в живот и щекотится. Красивая. Как наша песня про овсянку.

После концерта мы с мамой подходим потрогать арфу. Она изогнутая и вся в длиннющих струнах. Мама говорит, что арфа похожа на огромную птицу с тонкими перьями. Вот интересно, есть такие?

- А давай зайдём в библиотеку и посмотрим? – предлагает мама. – Тут недалеко.
- А что, там держат птиц? – удивляюсь я.
- Нет, там держат специальные книги, – отвечает мама. – Ты как, не устала?
- Нет! – говорю и машу руками. – Смотри, какие у меня бодрые крылья!





Я люблю читать книжки. У меня их целых две полки. На одной стоят бумажные книжки. Они все похожи друг на друга – гладкие и с тонкими страницами. Мне их мама на ночь читает. А днём я слушаю книжки на дисках. Они стоят на второй полке. Они все квадратные, но на каждом диске своя наклейка. На «Карлсона, который живёт на крыше» мы с дедушкой прилепили домик, в котором он живёт, на «Аленький цветочек» – цветочек, а на «38 попугаев» – слона, ведь там есть Слонёнок. Мы с дедушкой пометили каждый диск, и я по наклейкам никогда их не путаю. Беру, какой захочу, вставляю в магнитофон, нажимаю кнопку и слушаю. Интересно, а в библиотеке какие книжки про птиц? Бумажные или дисковые?

Мама просит меня посидеть в кресле и уходит. А потом с кем-то возвращается.

– Та-ак, кто это к нам пришёл? – спрашивает меня незнакомая тётенька. И широко улыбается. Я слышу.

– Я пришла, – говорю. – И мама.

А она ещё больше улыбается:

– Меня зовут Наталья Семёновна. Я здесь со всеми книжки читаю. Ты уже читала Бианки? Это такой писатель был.

– Нет, – говорю.

– Вот и хорошо, – говорит Наталья Семёновна. – Пойдёмте в наш читательский домик.

Мы с мамой идём за Натальей Семёновной и правда приходим к домику. Ничего себе! Дом в доме. Целый домик в доме библиотеки. Я обхожу его: у домика три окошка и одна дверь.

– Заходите и усаживайтесь! – командует Наталья Семёновна.

Мы заходим внутрь и попадаем в маленькую комнату. В ней диван и стол с магнитофоном. Наталья Семёновна включает диск, и мы все вместе слушаем Бианки. У него птицы такие спорщики! Спорят, какой нос самый лучший. А потом Наталья Семёновна говорит:

– Та-ак, а теперь посмотрим картинки.

Она кладёт передо мной коробку.

– Открывай.

Я достаю картонку, обтянутую тканью. А на этой ткани – кусочки другой ткани.

– Что это?

– Это два брата-кулика, помнишь?

Наталья Семёновна берёт мои пальцы и проводит по птицам. Одна высокая, а другая поменьше. Я вижу их лапки и головы, трогаю пёрышки и длинные тонкие носы: один загнут вверх, а другой вниз.



- Как в книжке!
- Всё правильно. Это же картинка к книжке. А теперь доставай другую. Та-ак... Кто это? Ух, большая какая птица! Лапки резиновые. Шея длинная, а на шее мешок. Ой, с карманом! И в нём что-то лежит!
- Это пеликан-мешконос рыбу отложил! – кричу. – Про запас!
- Та-ак, – подтверждает Наталья Семёновна.
- А рыбка крошечная, но ловкая – сразу спряталась в мой кулак.
- Всё, теперь её пеликан не съест!
- А тут кто сидит на дереве?
- Я смотрю: просто нос, просто голова, просто хвост, просто перья.

– Не знаю...

– Как-то странно он сидит, – говорит мама.

И правда, странно. Лапами в дерево и клювом в дерево.

– А! – Я поняла. – Это тот дятел долбит.

– Молодец, – хвалит Наталья Семёновна.

Мы с ней долго-долго рассматриваем всех птиц. Жалко только, что такой огромной птицы, как арфа, в этой книжке нет. Наверное, птица-арфа просто не любит спорить.



5



Дома папа и дедушка спрашивают:

– Ну, что ты там делала, в библиотеке?

– Птиц смотрела, – рассказываю. – Они спорили, чей нос лучше.

Я поддвигаю чашку с семечками, делаю из пальцев крест и тычусь этим крестом в чашку.

– Угадайте, кто я?

– Снегирь? – спрашивает папа.

– Кедровка? – спрашивает дедушка.

– Не угадали! Это клёст-крестonos! Видите? У него нос крестом. Он все семечки из шишки может достать. А теперь...

Я беру пакет и прикладываю его к шее.

– Угадайте, кто я? Это у меня под клювом мешок. Я туда рыбу прячу – хоп!

И я засовываю в пакет ложку.

– Пеликан, что ли? – первым догадывается папа.

– Да! – кричу я. – А теперь?

Я хватаюсь руками за дверь и тычусь в неё носом.

– Ну вылитый дятел, – сразу понимает дедушка.

– Да! – снова кричу я.

И как стукнусь носом о дверь!

– Ой-ой!

Тогда папа берёт меня на руки и целует в нос.

– А будь я птицей, я бы и не спорил. Я точно знаю, что твой нос лучше всех!





6



Теперь мы часто ходим в библиотеку к Наталье Семёновне. Мне нравятся эти специальные книги. Они называются тактильными. Наверное, потому что Наталья Семёновна всё время говорит «та-ак».

– Та-ак! – И я начинаю смотреть.

Вот так треугольником по небу летят птицы. Вот так косыми линиями идёт дождь. В тактильных книжках много всяких знаний. Но я больше всего люблю книжку про Снежную королеву. В ней есть маленькая куколка Герда. Её можно посадить в карету и покатить по страницам в поисках Кая. Сначала Герда встретит мудрого Ворона, который прячется в кустах. Потом – разбойницу, которая как выскочит с пистолетами, если быстро открыть страницу! И ещё северного оленя. У него очень добрая шкура. Я её долго-долго глажу. А потом собираю из осколков дом. Это такой пазл из стекляшек! Я его собираю – и Кай расколдовывается! Я переворачиваю страницу – и кукол у меня в руках становится две! Герда и Кай.

Но однажды Наталья Семёновна говорит:

– Смотри, какие разные бывают книжки. Их можно послушать ушами, а можно руками посмотреть картинки. Но знаешь... ещё ты можешь сама прочитать книжку пальцами.

И она даёт мне книжку с плотными листами в точках. Где-то я уже их видела... Вспомнила!

– Это пупырышки из лифта!

– Пупырышки тебе! Это специальный шрифт, чтобы пальцами читать, – смеётся Наталья Семёновна. – В нём все буквы в виде точек.

Я вожу пальцами по точкам. Как же это читать? Ничегошеньки не понятно!

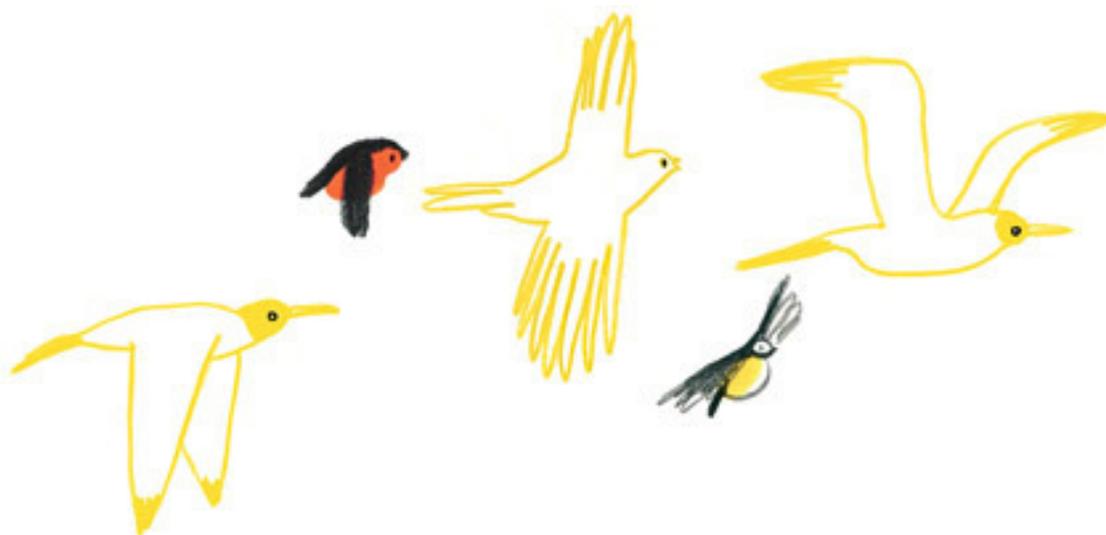
– Просто с каждой буквой нужно познакомиться отдельно, – объясняет Наталья Семёновна. – Вот я дам тебе прибор и грифель. Ты будешь писать буквы и запоминать их. А потом и читать научишься.

Но я отодвигаю эту книжку и снова беру в руки Кая и Герду.

– Герда, а давай теперь я тебя буду спасать? – предлагает Кай.

Я – за! Я совсем не хочу читать эти пупырышки. О них только ладошку чесать!





Прибор – это две дощечки. На одной малюсенькие окошки, на второй – ямки. А грифель – как деревяшка с клювом. Папа вставляет между дощечками прибора бумагу и клюёт в окошки грифелем по ямкам.

– Так! Так! Так-так! Так-так-так!

Наталья Семёновна дала нам пластинку с алфавитом из точек. И папа учится его писать.

– Ну-ка, давай посмотрим, что получилось?

Папа вынимает листок из дощечек, переворачивает – и я смотрю пальцами.

– Ничего не получилось!

Пупырышки они и есть пупырышки. Не то что мои буквы-магниты. Не то что буквы, которые я пишу на стене. Они все разные! А эти точки все одинаковые.

Но папа говорит:

– А вот и получилось! Смотри, вот это А.

– А – это три палочки, – не соглашаюсь я.

– А ещё А – это одна точка, – не сдаётся папа. – Попробуй хотя бы её написать. Её запомнишь – одной буквой меньше будет.

Я нехотя беру грифель, и папа показывает:

– В каждом окошке – шесть ямок. Две сверху, две посередине и две внизу. Ямка А – верхняя справа.

Я тычу грифелем в окошки.

– А, А, А, А.

– Слушай, твой грифель прямо как дятел! – смеётся папа.

И правда. Долбит деревяшка своим клювом по дощечке.



– Бедный дятел, – говорю я папе. – Наверное, ему тоже очень скучно выстукивать по дереву одно и то же.

Я стучу ещё немного. А потом говорю:  
– Пап, давай дадим дятлу другую букву.  
– Давай, – соглашается папа. – Дадим ему Б. Это уже две точки. Одна у неё – там, где буква А. А вторая – в ямке под А.  
Я долблю грифелем в окошки:

А. Б. Б. А.



Б. А. А. А.



Не переживай, грифель. Я своему дятлу ни за что не дам скучать!





Сначала мы с папой выучили букву из одной точки:

А.

Потом все буквы из двух точек – это

Б, Е, Ё, И, К, Ц.

Потом все буквы из трёх точек:

Д, Ж, Л, М, О, С, У, Ф, Х, Ш, Э.

Потом все буквы из четырёх точек:

В, Г, З, Н, П, Р, Т, Щ, Ы, Ю, Я.



Потом все буквы из пяти точек:

Й, Ч, Ъ, Ь.



А из шести точек букв нет!

Всё!

Я запомнила пальцами, как читается каждая буква.

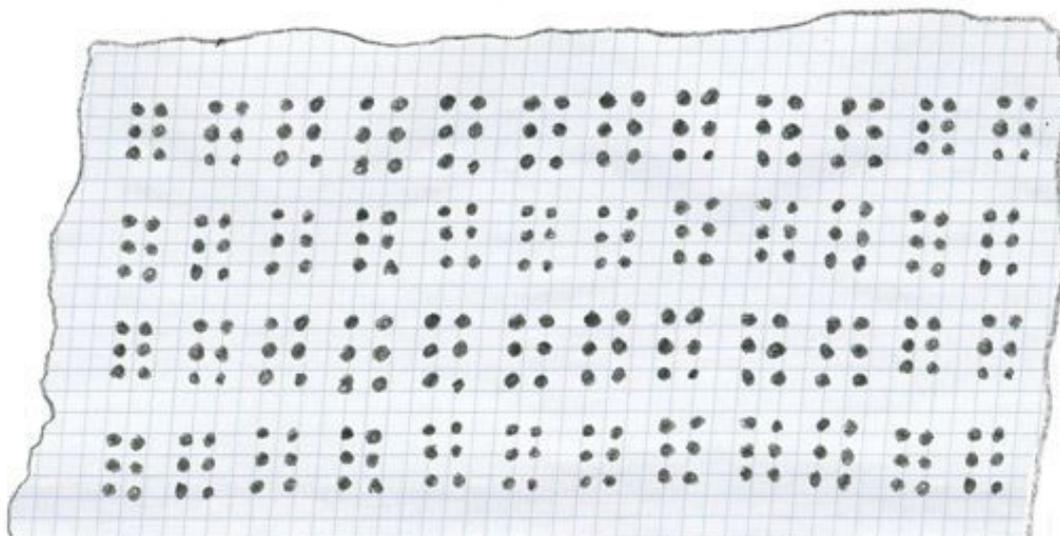
А теперь я пишу слова. Мама, папа, дедушка, музыка, книга, дятел... Я пишу много хороших слов! Потому что я хочу читать хорошие слова.

Я вынимаю листок и хочу прочитать «мама, папа, дедушка, музыка, книга, дятел...», но почему-то ничего не понимаю. Я совсем не могу отделить одну букву от другой! Точки не слушаются и лезут мне под пальцы. Сразу все! И у меня под пальцами снова оказываются непонятные пупырышки!

Я ужасно сержусь!

– Ты у меня тоже торопыга, – стучит спицами дедушка. – А чтение – дело тренировки. Ты просто начни с коротких слов. Со слова «да», например. Напиши и прочитай сначала его. Потом другое. Так и научишься потихоньку.

Но я так сержусь, что совсем не хочу читать. Я беру грифель и выдалбливаю в окошках все ямки, какие есть! И на бумаге получается как будто коврик. Я глажу его пальцами. Он красивый и понятный. Без всяких слов.



9

– Паша, а ты, случайно, не хочешь секретному шифру научиться? – спрашивает папа.  
Это ещё что за новости?!

– Вообще-то Пашка ко мне пришёл! – дёргаю я папу.

Но Пашка любопытный!

– Шифр! – Он от радости кидает куртку на пол. – Хочу!

И говорит мне:

– Давай немножко шифр, а потом играть.

– Моя маленькая вежливая хозяйка, конечно, согласится, – говорит мама и треплет меня по голове.

– Ладно, – бурчу я.

Папа показывает Пашке алфавит, прибор и грифель.

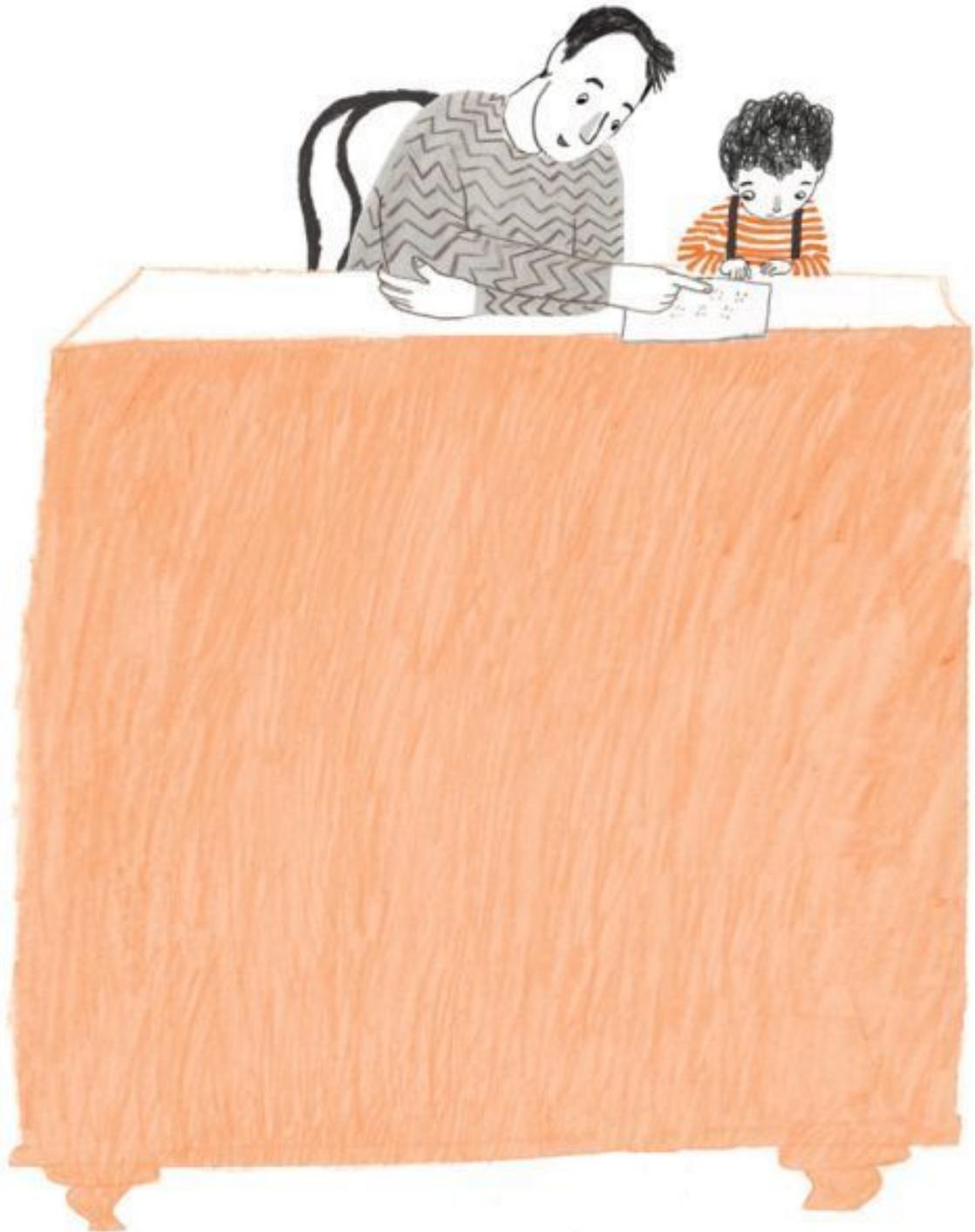
– Смотри-ка. Вот шифр. А вот здесь можно писать им разные слова.

Папа что-то выстукивает, потом вынимает лист и даёт Пашке:

– Разберёшься?

Пашка сопит.

– П... А... ПА... Ш... ПАША!



– Дай я проверю, – говорю я и забираю листок.

Так и есть: Паша. Вот П, а рядом А. Вот Ш и снова А. Ну надо же! У меня так долго буквы разбегались, а он сразу прочитал!

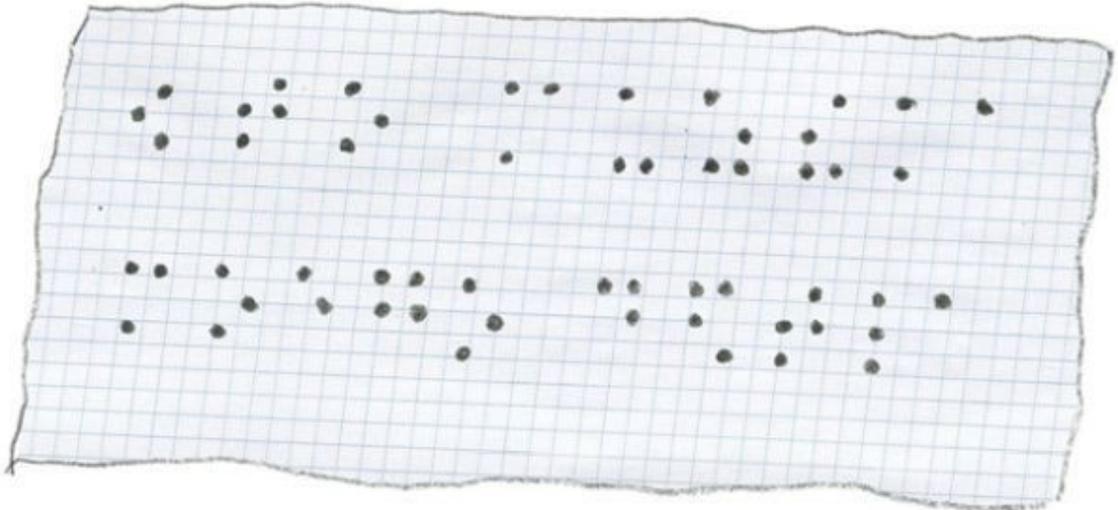
– Зато ты все буквы знаешь, – говорит папа. – Так что можешь Пашу учить сама.

– Давай, учи меня шифру! – торопит Пашка.

– Это не шифр! – говорю я.

– А что? – удивляется Пашка.

Тогда я беру грифель и пишу:



10



Так-так-так.

Так-так-так-так...

Я пишу Пашке записку и припеваю.

Так.

Так-так-так-так...

Теперь у Пашки тоже есть прибор и грифель. И мы меняемся записками в художественной школе. Все смотрят и не понимают, что в них написано. Потому что больше никто не умеет писать, как мы!

Так-так.

Так-так-так...

Уже пол-листа настучала! Длинно, конечно. Зато красиво, как песня.

Так-так-так.

Так-так-так...

А если у Пашки тоже будут разбегаться буквы, то я помогу ему прочитать.

## Кит ищет друзей



1



На Новый год мне подарили ватрушку! Без творага. Потому что она резиновая.  
– Давай надуем скорее! – прошу я папу.  
Ватрушка лежит в коробке. Худая и сонная. Как сдутый воздушный шар.  
Папа берёт насос и накачивает камеру воздухом. И скоро ватрушка занимает весь свободный пол в комнате!  
– Вот это громадина! – удивляюсь я.  
Забираюсь в середину ватрушки и ложусь на спину.  
– Мам, смотри! Я как на море.

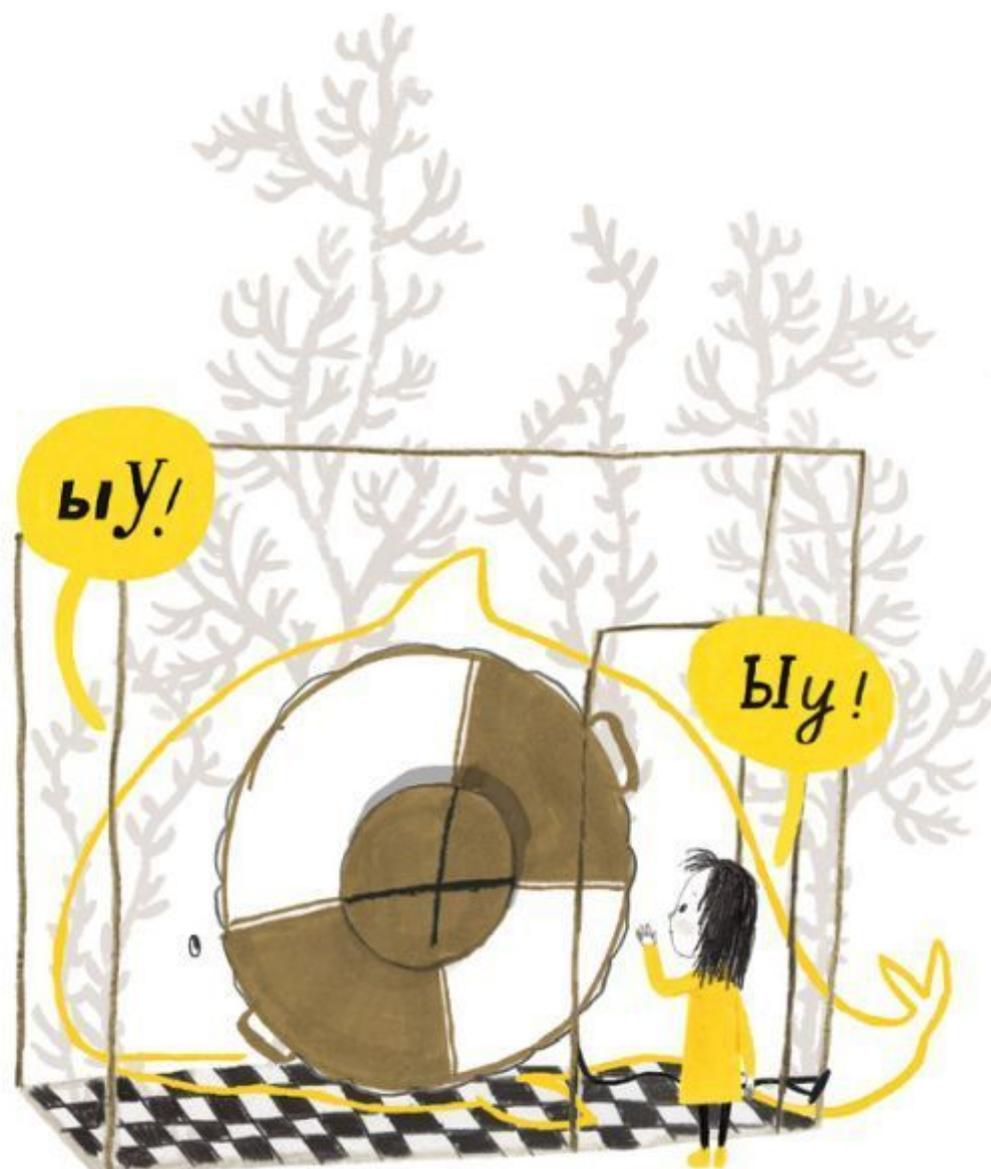
– Помнишь, как плавали? – спрашивает мама.

– Ну конечно! – отвечаю я.

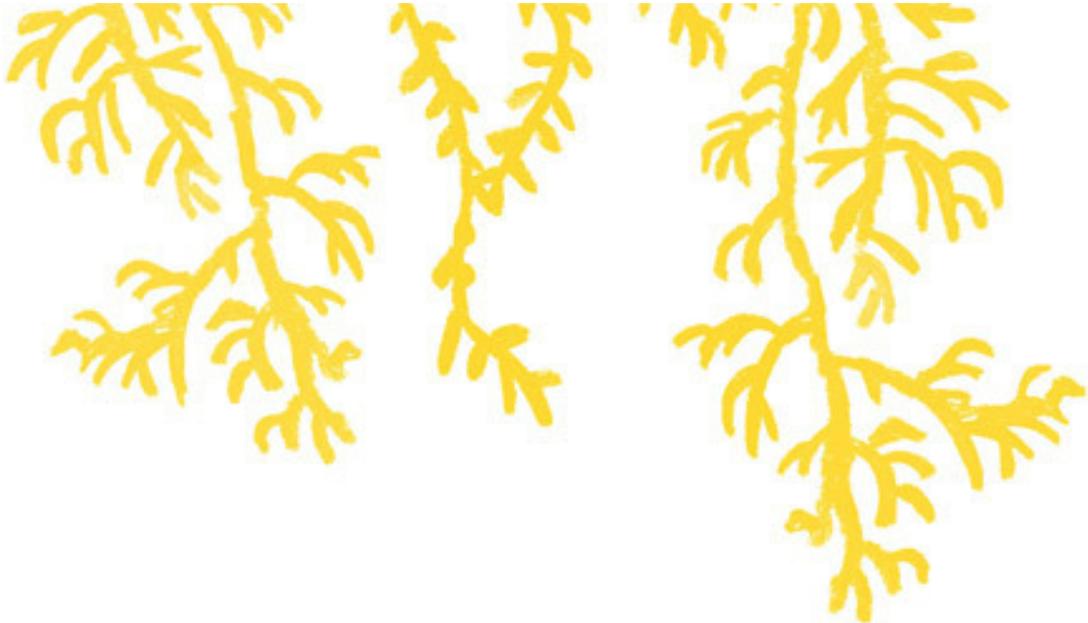
Мама и папа плавали сами по себе. А я – на дельфине. Это был мой спасательный круг. С мягкими глазами и пухлыми плавниками. Мы так здорово с ним плыли! В два плавника и в две руки. И однажды добрались до водяной границы! А там – гири качаются на привязи. Море охраняют. Папа сказал, что они называются буйки. Но они ни капельки не буйные! Наоборот! Тихонько качаются на одном месте – буйк-буйк, и всё. Мы с дельфином покачались с ними немножко. Чтоб им не скучно было. А потом папа взял нас на буксир.

И сейчас папа тянет ватрушку за верёвку. А я лежу и пумкаю по ватрушке ногами. Пум! Пум! Какие упругие бока! Как будто мой дельфин вырос и растолстел...

– Mam, pap, я поняла! Это не ватрушка. Это кит!



2



Кит живёт на балконе уже две недели. Так что балкон у нас как аквариум. Ведь киты водятся в глубоких океанах. А у нас просто балкон. Киту негде развернуться. Такой большой, а всё равно бедняга.

Я открываю дверь – и кит сразу протягивает мне плавник. У каждого кита есть треугольный плавник на спине. Мы об этом с дедушкой читали. А потом в библиотеке картинки смотрели. И слушали, как киты гудят друг другу. У-у! И-у! Вы-у! Это они так разговаривают. Гудками.

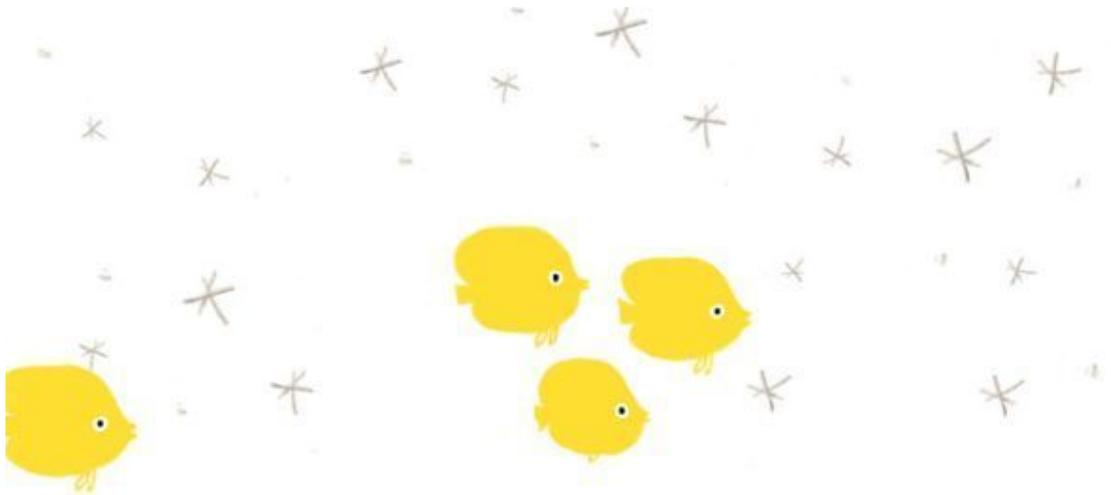
И мы с китом так разговариваем.

– Пап, когда мы уже пойдём кататься?

– Скоро, – отвечает папа. – На выходных.

Я пожимаю киту плавник и перевожу ему папины слова. Ми-у! А-у! И мы с ним вместе вздыхаем: Ы-у! Ы-у! Как же долго ждать! Наверное, вот какой глубокий океан – как ожидание.

3



Ура! Идём! Наконец-то мы с папой идём на горку. В наш лесопарк. На берег ручья. Папа тянет поводок. Кит скользит по снегу. А я одной рукой держусь за плавник, а вторую выставила вперёд и касаюсь снега варежкой. Он то мягкий, как пух, то твёрдый, как камень. Но киту всё равно. Он плывёт довольный, что выбрался из аквариума. И папа свистит довольный. Как будто поймал кита на удочку! А потом говорит:

– Ну всё, ручей. Кидаем якорь, – и сбрасывает на снег рюкзак.

Значит, пришли! Я хлопаю варежками. Я люблю этот ручей. Хотя он трусишка. Потому что сам маленький, а берега у него высоченные. И ручей всё время в них прячется. Зато зимой его берега превращаются в горки. И все катаются с них на ледянках и ватрушках. А я буду кататься на ките!

– Держись за ручки, – говорит папа.

– За плавники, – строго поправляю я.

– Держись за плавники, – говорит папа. – Сейчас я посмотрю, чтоб никого на пути не было, и отправлю вас вниз.

Мы с китом ждём. Мы терпеливые. Целых две недели ждали! И скоро папа кричит:

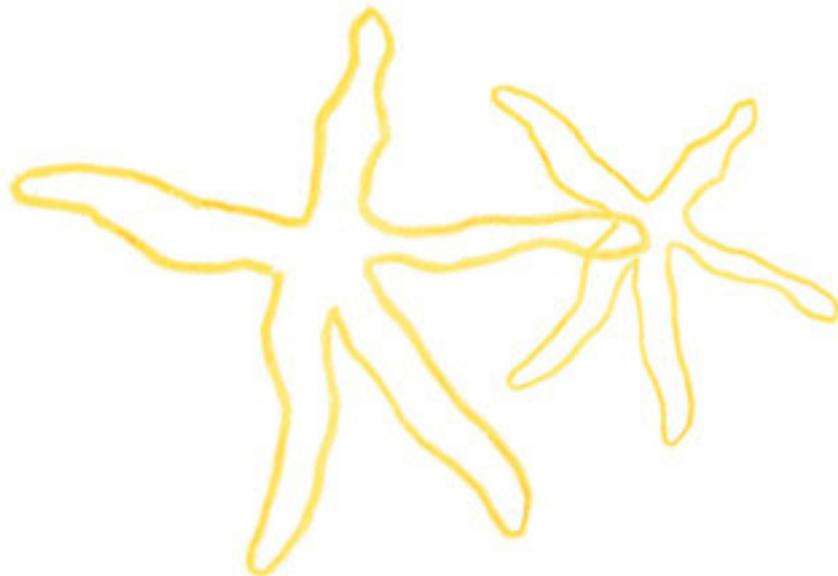
– Ну что? Готовы отправиться в бездонный океан?

– У-у! И-у! – кричим мы с китом.

И папа спускает нас с горки. Вжух! Ветер захлопывает мне рот. И моё сердце ныряет в живот от страха. Прячется сердце в животе, как ручей в берегах. Но я сама не успеваю испугаться! Всё так быстро! Раз – и кит уже на дне. Здравствуй, снежный океан!



4



Я ныряю на ките в океан и ищу ему друзей.

– Кто на этот раз? – кричит сверху папа.

– осьминог! – кричу я и машу руками и ногами. – Вот первые четыре ноги!

Затем снова машу руками и ногами.

– А вот вторые четыре ноги! Получилось восемь ног!

– Отличный друг! – одобряет папа.

Тогда я беру кита за поводок, поворачиваюсь к папе и забираюсь на горку. А папа меня подбадривает:

– Давай, осьминог, новый шажок... Давай, осьминог, ещё шажок... Опа! Забирайся.

Вжух!

– Какие новости? – снова кричит сверху папа.

Я отдыхаю и представляю нового друга:

– Мы встретили милого краба!

Нашему киту везёт! Он уже нашёл оранжевую черепаху, щукастую рыбку, морского конька-горбунка, осьминога, а теперь ещё и милого краба!



– Да, такими темпами мы скоро откроем океанариум, – говорит папа.

И я тащу кита наверх.

Вжух!

Мы снова на дне океана. Но вдруг вместо папиного голоса мне кто-то кричит в шапку:

– А теперь кит нашёл прекрасную русалку! Давай?

Я вылезаю из кита и спрашиваю:

– Можно до тебя дотронуться?

– Ага, – говорит Русалка.

Я проверяю: шапка с помпоном, длинные волосы... Это и правда прекрасная русалка!

– Давай, – соглашаюсь я.

И повторяю папе:

– А теперь кит нашёл прекрасную русалку!  
– Очень прекрасную, – отвечает папа. – Поднимайтесь все вместе!  
И мы поднимаемся втроём.



5



Русалка плюхается на кита, и мне становится тесно.  
– А кит нас выдержит? – спрашиваю я папу.  
– Куда он денется! Он знаешь, какой сильный, – говорит папа. – Беритесь за плавники.

Я хватаюсь за плавник с одной стороны, а со второй мне не взять – там Русалка.

– Готовы?

Вжух!

Мы ныряем в океан. И меня болтает из стороны в сторону, потому что за один плавник держаться трудно. Но Русалка так визжит, что у меня сердце ёкает от радости! Ёк-ёк! И я тоже потихоньку начинаю визжать. Но тут мы вываливаемся на снег. Русалка хохочет:

– Давай ещё раз!

– Давай! – говорю я и вытираю варежкой лицо.

Русалка убегает вперёд, так что я за ней не успеваю. Тогда она возвращается, берёт меня за руку и быстро тащит вверх. И меня, и кита! Вот какая она сильная!

Я не успеваю отдышаться, как мы снова садимся и берёмся за плавники. И за руки. Мы катимся вниз, прижавшись друг к дружке, – так не болтает, так гораздо удобнее! И мы визжим на два голоса:

– И-и-и!

– И-и-и!

Я уверена, что русалки только так и общаются. Как киты гудками.

И мы обе понимаем, что это значит. Это значит:

– Как здорово!

– Как здорово!





Мы с Русалкой лежим на дне океана и хохочем.

Вдруг кто-то неподалёку говорит:

– Вероника! А ну-ка подойди ко мне.

Русалка выпрыгивает из кита и тащит нас не на горку, а куда-то вбок.

– Бабушка, я русалка на ките! – кричит Русалка. Значит, это её зовут Вероникой.

Но бабушка не рада.

– Подойди сюда, меня послушай, – говорит бабушка.

Русалка останавливается, бросает мне верёвку и отходит в сторонку.

– Это что ещё за игры? – слышу, как сердится бабушка. – Ты разве не видишь, какая девочка? А ты её таскаешь туда-сюда. А вдруг что случится! Ты же старше её, а не понимаешь.

Ей и так досталось!

Русалка пыхтит. А бабушка нарядным голосом говорит в мою сторону:

– Ах ты малышка!

А потом опять Русалке сердито:

– Давай-ка домой. Поди, уже мокрая вся как курица.

Тогда Русалка хнычет:

– Я не курица! Я не хочу домой!

– Ну пойдём вот с того берега кататься. Там хотя бы скамейка есть. Я уже все ноги отстояла!

– Ладно! – снова радуется Русалка.

– Вот и хорошо, – тоже радуется бабушка. И снова делает нарядный голос: – Скажи девочке «до свиданья».

– До свиданья! – подбегает ко мне Русалка и так обнимает, что мы обе падаем на снег.

– Нет, я говорю ей, а она! – восклицает бабушка.

Тогда Русалка уходит. А я остаюсь.

– Кит! – кричит с горки папа. – Ты там в сети попал или друга поймал?



7



- Без Русалки я снова поднимаюсь на горку медленно. Ватрушка – настоящий слон.
- О! – удивляется папа. – Неужели кит устал?
  - Нет, – говорю я.
  - А руки-ноги у кита не замёрзли? – хлопает меня папа.
  - Нет, – отвечаю я.
  - А чай-то пить будем? – говорит папа.
- А я говорю:
- А почему бабушка Русалки так странно сказала?
  - Что сказала? – переспрашивает папа.
  - Сказала, что мне «и так досталось». Почему?

Тогда папа фыркает:

– Пф! А чего тут странного! Сказала... Конечно, досталось!

Папа наливает из термоса чай и шумно прихлёбывает.

– Тебе очень много хорошего досталось. Смотри, какой я хороший, – это раз! Мама у нас умница, какой чай с булками сделала, – это два! Дедушка, между прочим, с Торопыгой – три! Да ещё кит... Пожалуй, этого даже слишком много. Так что извини, чай с булками достанется только мне.

– Ну уж нет уж! – спорю я. – Тебе тоже «и так досталось». И мама! И дедушка! И я! Вот как много! Так что всё делим пополам.

– Ну ладно, уговорила, – соглашается папа и даёт мне кружку.

Ура! Чай из смородинового варенья! Мой любимый! Я так радуюсь, что подпрыгиваю и проливаю чай на кита. И-у! Ву-у! Но он не жалуется. Он лежит на снегу и радуется, что ему тоже досталось. Отдыхай, кит. Скоро мы снова отправимся искать друзей.





8



Мы возвращаемся домой. А у нас пахнет духами! Понятно, кто пришёл в гости: Тайка.

– Ну, как покатались? – спрашивает мама. – Ты не промокла?

– Мы Русалку встретили! Мы с ней на ките ныряли! А потом её бабушка забрала, потому что мне досталось.

Тайка громко вздыхает.

– Да не говори, – соглашается папа. – Хорошая такая девчонка прибежала, стали вместе кататься, и тут...

Папа почему-то сердится. Но мне некогда думать. Я хочу показать Тайке кита.

– Ну посмотри какой!

И Тайка говорит:

– Ага... Вот же киты... Кому-то кажется: кит плавает один-одинёшенек – ну ничего не поделаешь, океан же такой огромный... А вот и нет! Киты слышат китов за уйму километров... и они понимают друг друга.

Я говорю:

– И Русалка сегодня поняла моего кита! Да, пап?

– Вот кто спасёт мир! Русалки! – смеётся Тайка.

Но мама протестует:

– Только русалок нам не хватало! С людьми бы разобраться...

А потом просит меня:

– Ныряльщица моя морская, убери-ка ватрушку на балкон.

И я качу кита в аквариум и думаю: «А здорово мы с ней вместе визжали!»



## Как помочь незрячему человеку?

Незрячий человек не значит беспомощный. Если вы встретили человека с белой тростью, не бросайтесь сразу же помогать. Как и вы, он идёт по городу по своим делам. Однако в некоторых ситуациях вы можете оказать поддержку.

### 1. Оцените, нужна ли помощь.

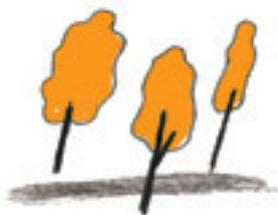
Человек идёт по тротуару или стоит на перекрёстке?



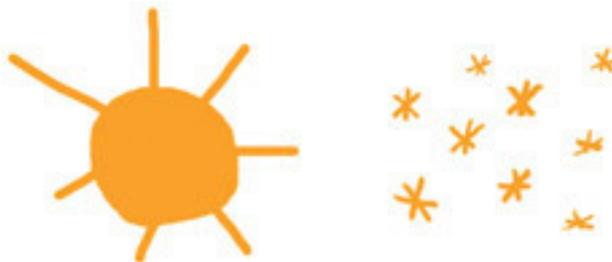
Человек сидит на скамейке в парке или ждёт автобуса на остановке?



Вокруг спокойно или шумно / многолюдно?



Погода комфортная или жуткий ливень / снегопад / гололёд?



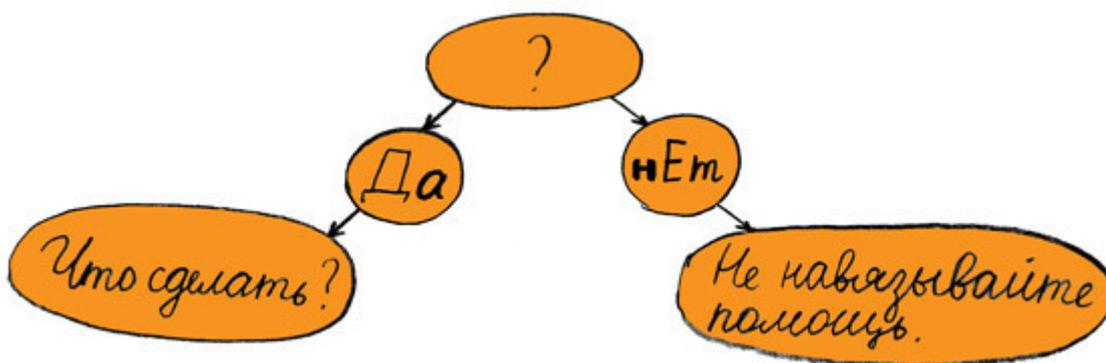
На улице всё как обычно или идут ремонтные работы / открыты люки / появились ямы?



Путь безопасный или есть препятствия, которые не «увидишь» тростью (низкие ветки, распахнутые дверцы грузовика, лестницы без перил)?



## 2. Поздоровайтесь и спросите, можете ли вы помочь.



## 3. Делайте только то, о чём вас попросят.

Если нужна помощь в перемещении, не идите слишком быстро и предупреждайте о препятствиях на пути (бордюр, столб, ветка и т. п.).



Не хватайте человека без предупреждения. Особенно на лестнице или эскалаторе – это может привести к травме.



Не толкайте человека в спину перед собой и не тяните за одежду.



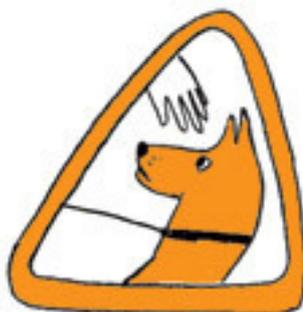
Не хватайте и не забирайте трость – она нужна для ориентации.



Не уводите незрячего человека куда-либо без его согласия – он может сбиться с маршрута и заблудиться.



Не отвлекайте собаку-проводника – она тоже может сбиться с маршрута.



**4. Уточните, нужно ли что-то ещё. И попрощайтесь.**

